

Потакая вкусам

Первого числа двенадцатого месяца всем сюцаям надлежало явиться в уездную управу. Прежде чем предстать на годовом экзамене третьего числа, им следовало передать свои документы на проверку академическому регистратору из отдела чинов, дабы тот скрепил их официальной печатью.

Чу Цы поднялся ни свет ни заря. Отработав вместе с Чжан Вэньхаем и Фан Цзиньяном оздоровительный комплекс «Игры пяти зверей», он совершил омовение, переоделся и, захватив свидетельство сюцая, направился к присутственному месту.

Уездное ведомство располагалось в переулке Петушиного крика. К моменту прибытия юноши ворота еще были заперты, и он, за неимением иного дела, принялся с любопытством изучать здание.

Над входом, под самым козырьком крыши, висела массивная табличка с надписью: «Управа уезда Юаньшань». Путь внутрь преграждали тяжелые черные створки; лак на них местами потрескался и облупился от времени, что, впрочем, лишь придавало строению дух благородной старины и исторического величия.

По обе стороны от входа за ограждением застыли изваяния: с одной стороны — грозный зверь Биань, с другой — барабан Дэнвэнь.

В этот инструмент били редко. Вопреки тому, что показывают в досужих пьесах, никто не посмел бы колотить в него по пустякам. Согласно указу двора, каждого, кто осмелится потревожить Дэнвэнь, полагалось без лишних расспросов высечь тридцатью ударами палок.

Лишь те, чья обида была безмерна, а все иные пути к правосудию закрыты, решались на подобный шаг. Обычный же порядок требовал сначала обратиться к старосте или главе общины, чтобы те вместе с уважаемыми старейшинами попытались рассудить спор. Если же дело касалось уголовного преступления, местный сюцай должен был составить и подать прошение в ямэнь, и только после его принятия назначался день слушания.

Чу Цы с увлечением рассматривал детали подворья, когда внезапно услышал за спиной свое имя. Обернувшись, он увидел Чэнь Сюя — того самого книжника, что зарабатывал на жизнь написанием писем на рынке.

— Почтенный брат Чэнь, примите мои приветствия, — поклонился он. — Прошу простить мою невнимательность — я так засмотрелся, что проявил небрежность.

— Младший брат Чу слишком церемонится, — улыбнулся собеседник. — Я-то полагал, что

пришел раньше всех, но ты, как видно, опередил меня.

— В прошлом году я изрядно натерпелся в толчее, вот и решил нынче явиться пораньше.

Чу Цы невольно вздрогнул, вспомнив из памяти прежнего владельца тела ту «кровавую битву» у ворот, где в давке можно было лишиться не только достоинства, но даже обуви и носков. Это было поистине жалкое зрелище.

— Ха-ха, что верно, то верно — мы с тобой единомышленники.

Пока они беседовали, входные ворота со скрипом распахнулись. Вышедший стражник, завидев ученых мужей, кивнул:

— Господа сюцаи за печатью пожаловали? Регистратор скоро будет.

Войдя внутрь, они первыми заняли очередь у окна отдела чинов. Буквально за несколько мгновений пространство за их спинами заполнилось людьми. Молодой человек оглянулся: здесь были соискатели всех возрастов. У некоторых головы уже побелели от седины, другие же — совсем юнцы лет шестнадцати-семнадцати — выглядели непривычно незрелыми на их фоне.

Среди пришедших выделялся старик с белоснежной бородой, пожалуй, самый старший из всех. Стоило их взглядам с Чу Цы встретиться, как старец недовольно хмыкнул и демонстративно отвернулся.

Юноша поначалу опешил, не понимая причины такой неприязни, но, покопавшись в воспоминаниях, тут же всё осознал. Перед ним стоял старый господин Чжан — учитель из частной школы, который когда-то давал ему начальное образование.

«Понятно, почему он так суров»

С тех пор как прежний владелец тела покинул академию Цишань, старый Чжан клеймил его как неблагодарного отступника и в деревне старался всячески избегать встреч. Более того, именно из-за его упрямства маленький Чу Юань до сих пор не посещал школу — старик наотрез отказывался принимать брата «предателя». Эту проблему следовало решить как можно скорее, иначе мальчик упустит лучшее время для учебы.

Пока Чу Цы витал в своих мыслях, явился академический регистратор. Облаченный в темно-синий халат, он окинул очередь бесстрастным взглядом, прошел в кабинет и, усевшись у окна, раскрыл реестр.

Юноша, стоявший первым, почтительно протянул документ. Чиновник бегло взглянул на него и спросил:

— Уезд Юаньшань, городок Пинъань, деревня Чанси, Чу Цы?

— Всё верно, господин, это я.

Сверив данные с записями в книге, регистратор достал квадратную печать и приложил её к последней странице свидетельства. Там уже красовались четыре отметки.

Получив бумагу обратно, он отступил в сторону. На листе четко отпечаталось: «Испытано в зимнюю сессию сорок второго года эры Цзяю». Видимо, каждый год форму печати меняли, чтобы исключить подделки.

Выбираясь из толпы, Чу Цы увидел, что очередь растянулась уже до самой улицы. У входа собралось множество народа, сдерживаемого стражниками.

Судя по всему, в уезде насчитывалось около двух-трех сотен сюцаев. Число казалось внушительным, но это был плод многолетнего накопления — ведь ежегодно заветную степень получали не более пяти человек на весь уезд.

Чу Цы ощутил укол тревоги. Ему не стоило быть слишком самоуверенным. Глядя на это полчище ученых мужей, можно было лишь гадать, насколько трудно получить звание цзюйжэня. Если он потерпит неудачу на экзаменах, все его грандиозные планы рассыплются в прах.

Вернувшись домой, юноша заперся в комнате и погрузился в чтение. Он заново проработал все каноны, повторяя комментарии к ним, дабы закрепить знания в памяти.

Его рвение невольно передалось и Чжан Вэньхаю. Тот поначалу воспринял поездку в город как небольшие каникулы и за последние дни даже не притрагивался к книгам. Но увидев, как усердствует товарищ, Чжан-эрха устыдился и немедленно бросился в кабинет наверстывать упущенное.

Третьего числа двенадцатого месяца распахнулись двери училища уезда Юаньшань. Местный зал для экзаменов был выстроен по подобию столичного: ряды ячеек-хаофанов, помеченных иероглифами из «Троесловия» — «Небо», «Земля», «Сокровенное», «Желтое». В глубине же располагались покои для экзаменационных чиновников и судей.

Годовой экзамен состоял всего из одного этапа и длился четыре часа. Ученикам не разрешалось брать с собой еду и питье — только письменные принадлежности. Листы выдавались на месте.

Чу Цы вместе с другими соискателями медленно двигался в очереди. Стражники у входа

тщательно досматривали корзины, но, в отличие от больших государственных испытаний, раздеваться догола не заставляли.

Когда подошел черед юноши, пожилой яча взял его свидетельство, небрежно поворошил вещи в корзине и выкрикнул:

— Сючай Чу из деревни Чанси! Сектор «Небо», ячейка номер три!

В училище места распределялись строго: в секторе «Небо» было всего тридцать ячеек, в «Земле» — шестьдесят, в «Сокровенном» — девяносто, а в «Желтом» — сто восемьдесят.

Чем ближе к началу списка стоял сектор, тем лучше были условия. Сегодняшнее распределение основывалось на результатах прошлогодней аттестации.

Чу Цы прошел вперед и нашел свой хаофан неподалеку от главного помоста, где уже сидели экзаменаторы. Место уездного начальника в центре пока пустовало.

Юноша отодвинул доску и сел внутрь. Кабинка оказалась крошечной: лишь узкий стол и такая же скамья. Теснота и замкнутость помещения мгновенно вызвали чувство дискомфорта.

Поскольку эти места долгое время пустовали, вчера прислали слуг для уборки. Однако те, вычистив сектора «Небо» и «Земля», поленились идти дальше. В «Сокровенном» и «Желтом» по-прежнему царил вековая пыль и висела густая паутина.

«Подобное разделение на ранги — лучший стимул для тех, кто не желает прозябать в нищете»

Когда все заняли свои места, ударил гонг, и в зал торжественно вошел уездный начальник Ян. Облаченный в темно-зеленое буфу с вышитыми утками-мандаринками и высокую шапку-ушамо, он держался прямо, лицо его было квадратным, а мочки ушей — широкими, что придавало ему весьма внушительный вид.

— Все вы — таланты уезда Юаньшань, и ваше присутствие здесь делает честь этому залу, — начал он, и его голос эхом разнесся под сводами. — С тех пор как я вступил в должность в начале года, мне довелось познакомиться лишь с немногими из вас. Видеть всех сегодня — большая удача. Надеюсь, вы будете строго соблюдать дисциплину. Предупреждаю: любой, кто будет уличен в жульничестве или проносе шпаргалок, немедленно лишится степени сючая и получит десять ударов палками прямо здесь!

— Мы внемлем наставлениям нашего батюшки-чиновника и клянемся повиноваться! — хором отозвались книжники.

Закончив формальности, уездный начальник Ян махнул рукой, давая сигнал к началу. Гонг прозвучал трижды, и служитель зажег длинную ароматическую свечу, служившую часами.

Яча начали раздавать бумагу: каждому полагалось по три листа — два для черновиков и один для чистовика. Затем стражники пронесли между рядами большие доски с темой сочинения.

Чу Цы сосредоточился. На доске была начертана фраза: «Если сможешь обновиться в один день, обновляйся каждый день, и делай так изо дня в день».

Это не было каверзным вопросом-ловушкой. Цитата из третьей главы канона «Великое учение» призывала человека к постоянному самосовершенствованию и обновлению духа.

Едва он успел переписать тему, как появилась вторая доска. Задание гласило: «Стихотворение в пять слов на тему "Трава"».

В голове юноши тут же всплыли бессмертные строки Бо Цзюйи «На прощанье воспеваю траву на древней равнине». Записав оба задания, он принялся обдумывать стратегию.

«Реформы и обновление — неизбежный путь для любой династии, достигшей своего расцвета»

Учитель Цинь не раз обсуждал с ним положение дел при дворе. Там шла непрерывная борьба между партией консерваторов во главе с Левым канцлером и партией реформаторов, ведомой Правым канцлером. Уездный начальник Ян, по слухам, лишился столичного поста именно из-за этих распрей, будучи сторонником Правого канцлера.

Чу Цы занес кисть над бумагой:

«Стремление к обновлению народа — вот в чем благородный муж достигает предела»

Это была прямая цитата из канона, задающая тон всему рассуждению.

«Благородный муж ежедневно трижды взыскует к себе: коль есть ошибки — исправляет, коль нет — укрепляется в добродетели. В "Книге песен" сказано: "Пусть Чжоу — древнее царство, но небесный мандат велит ему обновляться". Если государь следует этому правилу, то как могут подданные оставаться в застое? Мир переменчив, и тот, кто держится за ветхое, лишь множит хаос в своей душе...»

Молодой человек развил мысль о пользе реформ, исписав несколько сотен иероглифов. Закончив черновик, он принялся тщательно выверять каждое слово, стремясь к совершенству стиля. На правку ушла добрая половина времени.

Чу Цы решил не браться за стихи сразу, а сначала переписать эссе на чистовик. Лист был всего один, и любая поправка могла стоить ему места в рейтинге, чего он никак не мог допустить. Когда чистовик был готов, он с облегчением перевел дух и принялся за второе задание.

О траве писали с древнейших времен, воспевая её стойкость или оплакивая запустение. Будь Чу Цы стариком лет пятидесяти, он мог бы позволить себе печальную философию, но юноше его лет излишняя меланхолия была не к лицу. Он набросал рифмы и после долгих раздумий завершил пятисловный льюши, полный жизни и весеннего упорства.

К тому времени, как иероглифы на чистовике подсохли, свеча-таймер почти догорела.

Бум! Бум! Бум!

Гонг прозвучал трижды, и яча начали собирать работы. Книжники из передних рядов отдавали листы уверенно. Но чем дальше продвигались стражники, тем громче становились окрики, а кое-где слышались даже приглушенные рыдания тех, кто не успел закончить.

Чу Цы сокрушенно покачал головой, сложил вещи и вместе с толпой вышел за ворота.

— Сочинение вышло дельное, — произнес Учитель Цинь, изучив копию, которую ученик сделал по памяти. — Ты сумел потрогать вкусам экзаменатора. Думаю, в этот раз ты сохранишь свое место в списке.

— А есть ли надежда на первое место? — осторожно поинтересовался Чу Цы.

— Это зависит от того, найдутся ли работы получше твоей.

Цинь Линцин бросил на него строгий взгляд, но тут же смягчился. Он подошел к шкафу и, достав увесистый свиток, протянул его юноше.

— Это же... «Свиток о празднике холодной пищи в Хуанчжоу»! — обрадовался тот. — Учитель, как вам удалось его выпросить? Это просто невероятно!

— Невероятно?

— Я хотел сказать — вы поистине великий мастер! Глава академии Кун был так непреклонен, а вы всё же сумели его убедить!

Чу Цы благоговейно принял сокровище, не в силах отвести взгляда от каллиграфии. Учитель Цинь лишь горько усмехнулся про себя.

«Великий мастер», как же... Просто он тоже умел потакать чужим вкусам.

«Эх, прощай, моя драгоценная тушь от Ли Тинмо... Чувствую, обратно я её не получу»

<http://bllate.org/book/15354/1422075>